

КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОПЕРАТИВНОСТЬ УЧАСТНИКОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследуются социокультурные параметры порождения и конструирования реальности речевой деятельности, а также и ее продуктов – текстов, различающихся конвенциональной и институциональной ориентацией.

1. Первичной задачей речевой деятельности является понимание. Многочисленные составляющие нашей речи ориентированы, с одной стороны, на то, чтобы предельно доступно для слушателя сформулировать и донести собственные мысли, адекватно его восприятию выразить эмоции. С другой стороны, реципиент (слушатель) не может оставаться безучастным к услышанному – так или иначе реагирует на понятые смыслы, на способ трансляции речи и на самого говорящего как языковую личность. Только взаимное участие в речевой деятельности говорящего и слушающего гарантирует ее рациональную организацию и удачу.

1.1 Существенную роль в речевой деятельности играют метаязыковые операции, помогающие реципиенту понять и интерпретировать смысл высказывания. «...Метаязык, – отмечает Р. О. Якобсон, – это не только необходимый инструмент исследования, который употребляется логиками и лингвистами; он отыгрывает важную роль и в нашей повседневной речи. Если говорящему или слушающему необходимо проверить, пользовались ли они одним и тем же кодом, то предметом речи становится сам код: речь выполняет здесь метаязыковую функцию. В процессе изучения языка, особенно при освоении родного языка ребенком, широко практикуются метаязыковые операции...» [1, 201-202]. Операции метаязыкового типа являются составляющими типичных ситуаций речи: «при разговоре с ребенком, иностранцем или любым другим человеком, который не совсем хорошо владеет определенным языком, стилем, профессиональной разновидностью языка или арго» [2, 24]. При рассмотрении метаязыковой оперативности правомерно учитывать фактор адресата – слушающего – и фактор продуцента речи – говорящего.

1.2.1 Восприятие речи: фактор слушателя. Акт понимания связан с физическим восприятием речи. Произнесенное должно быть услышано и идентифицировано к опыту слушателя, понято им. Ср. речевые реакция на непонятное (невыразительно произнесенное, недослышанное): Извините, не услышал. Как? Еще раз. Что? Что-что; бел. Слухаю; пол. *Slucham, Proszę* и т. п. К подобному реагированию на речь прибегает слушатель, когда смысл произнесенного им не уловлен или когда он не услышал, что сказал собеседник.

В актах понимания речи существенную роль играет установка слушающего на восприятие речи. Она зависит от типа его мировосприятия – от того, какой языковой личностью является реципиент. Замечается, что одних ситуации речевого контакта проявляется аспект «как»-реагирования: Как? Еще раз?; пол. *Slucham*. Слушатель стимулирует говорящего еще раз произнести недослышанное или непонятое им. В других случаях акцентируется внимание на «что». «Что»-рефлексия, направлена на содержание сказанного: Что? Что ты сказал? Что-что? Повтори! и т. п. Такая рефлексия имеет предметный («чтойный») характер, нацелена на получение знания.

Предметная направленность отсутствует в понимании –актуализируется «как»: Как понять? Как мне тебя понимать? Различие между «как»-реагированием и «что»-рефлексией фундаментальное. Только «как»-реагирование следует

признать метаязыковой операцией. «Што»-рефлексия операцией не является – это вербальное действие, лишенное прагматической составляющей. По сути, в речемыслительной деятельности правомерно только позитивное звучащее «как»: «Как ты думаешь?», «Я так думаю». В вопросе «Что ты думаешь?» субстанция мысли подменяется предметной формой – представлением о действительности.

Отмеченное разграничение связано с двумя типами языковых контекстов – экстенциональным (именным) и интенциональным (контекстом мнения). В первом контексте речь продуцируется; ее продукт – текст. Реальность речи говорящий порождает или институционализирует (конструирует). В интенциональных контекстах имеем рефлексивный производный дискурс с акцентированным предметным «что».

Переход от феноменального «как» к предметному «что» есть трансформация. Сущность подобного перехода заключается в выходе из переменчивой реальности, ориентированной на укрепление идентичности (тождества) реалии, и обращению к имманентной («другой») изменчивой действительности, направленной на стабилизацию отношений. Ориентированность/направленность пользователей/носителей языка на экстенциональное «как» и интенциональное «что» проиллюстрируем следующей речевой миниатюрой.

Odprawa celna. Profesor N. jedzie do Polski z ogromnistą torbą w rękę. Właśnie dlatego, że jest profesorem z N. nigdy nic się nie zdarza. Nie ma i nie może mieć żadnych kłopotów. A jednak ciągle ma jakieś przygody. Tak było i tym czasem.

– Co Pan ma w torbie? – pyta jak zwykle celniczka i niespodziewanie dla siebie zauważa, że to pytanie sprawia profesorowi pewną trudność. Następuje pauza, która staje się nie do zniesienia. Celniczka nie jest w stanie wytrzymać tak długie milczenie i zaczyna się denerwować. Nareszcie profesor, olśniony, woła: „Obiad”.

– I to potszebował Pan aż tyle czasu, żeby to powiedzieć? – oburza się celniczka. – Rozmyślałem nie nad tym, co mam w torbie, lecz nad tym, jak nazywa się to, co w niej jest, – próbuje wyjaśnić swoje zachowanie profesor.

– Jakiś kretyn zawraca mi głowę, – myśli celniczka, a jednak przepuszcza go z miłym uśmiechem na twarzy. Profesor zaś jest bardzo z siebie zadowolony, ponieważ wpadł w sytuację kategoryzacji i odnalazł z niej wyjście. „Przyda się w pracy, – myśli sobie i dumny z siebie podąża dalej. (W. Sienkiewicz Siedlce-Brześć)

1. 2. 1. 1 Занимательной является ситуация речи, когда на услышанное реципиент реагирует прецедентным выражением. /Продавец на рынке/ – Что желаете? /Покупатель/ – Я желаю счастья вам...; – Я тебе обещаю? – Обещанки-цацанки, а дурню радость; – Как дела? – Вихри враждебные веют над нами... – Повезло тебе сегодня ... Кому повезет, у того и петух снесет! – Кто последний (в очереди)? – Кто последний, тот и папа. Подобная речевая деятельность носит оттенок языковой игры, нередко является пародийной (ср. пол. *giposta* (wł. *gisposta* – odpowiedź) – *cięta*, *trafna* i *szybka odpowiedź* na czyjś komentarz lub pytanie).

С восприятием речи связаны лингвистические комментарии: бел. *Выпісаў радкі і ўбачыў, што тут, мабыць, горшае за неасцярожнае слова. Тут – зусім «нятое» слова; ...Хіба па-беларуску? Не. Вельмі «нятое», вельмі «нятыя словы»! І я ж чытаю, слухаю. Бачу, чую слова і я. Яно бывае халоднае, абьякавае, «штампаванае». Сустракаецца «нятое», «вельмі нятое слова». Ці добра, ці трэба: «патрэбна па гаспадарцы», «клопаты па дачы»? Ці тое тут слова?» (Ф. Янкоўскі).*

1. 2. 2 Трансляция речи: фактор говорящего. Транслируя речь, говорящий прогнозирует понимание слушателя, ориентируется на уровень его компетенции, всячески способствует тому, чтобы произносимая им речь и ее отдельные фрагменты-составляющие не прошли мимо слушателя, были поняты последним.

Именно с этими интенциями говорящего связано апеллированное «вопрошание» (типа «Вы понимаете?», «Ты понимаешь?», «Понимаешь») и формулы суггестивного вменения («Пойми же ты!», «Поймите же вы, наконец! «Как вы не понимаете, что...» и т. п.).

Нередко говорящий стремится мотивировать произнесенное им выражение ссылкой на его прецедентность: «Как говорится, ...»; «Как известно,...», бел. «Як той казаў, ...» и под. В иной ситуации говорящий попутно описывает способы или манеру собственной речи: фигурально говоря, короче говоря, собственно говоря, говоря просто. С интерпретацией манеры говорения встречаемся в письменной речи: буркнуть, бормотать; ср. невербальные движения: покрутить головой, махнуть рукой, отвернуться и т. п.

Перечень метаязыковых операций и ресурсов, связанных с трансляцией речи является открытым. На письме существуют собственные приемы разграничения языка и метаязыка: двоеточие, красная строка, скобки, петит, курсив, цвет и т. п.

Наиболее активно метаязыковая оперативность субъекта речи проявляется в связи с разграничением имен и дескрипций. В языке/речи известная референтная область не только именуется, но и с необходимостью описывается.

1. 2. 2. 1 Дескрипции обычно связаны с конвенциональными предпосылками продуцирования речи. Еще древние говорили о том, что прежде чем приступить к рассмотрению чего-л., необходимо «договориться о понятиях». Говорящий должен быть уверен в том, что он «понятно выражается», что смысл употребляемых им терминов не составляет трудность для аудитории.

Собственно лингвистический аспект метаязыковой оперативности возникает в связи с необходимостью идентифицировать объект. К презентации смысла дескриптива вынуждено прибегает продуцент научного текста, когда применяются недостаточно понятные или беспрецедентные текстовые единицы: Исходными предпосылками институционализации служат хабиитуализация, седиментация и традиция. Хабиитуализация есть опривычивание. Седиментация буквально означает процесс осаждения, перехода в «осадок», т. е. социальный опыт. Традиция – процесс наследования поколениями социального опыта.

Исследователь является метаязыковым прагматическим оператором, раскрывающим для читателя смысл неизвестных ему понятий и категорий, вписывающим в сферу его компетенции незнакомые реалии. Интерпретируя терминологические номинации, продуцент речи актуализирует те или иные существенные, с его точки зрения, смыслы.

1. 2. 2. 2 Имена предусматривают институциональную репрезентацию смысла. Метаязыковая оперативность не только связана с проблемой понимания высказывания и текста, но и включает в себя социокультурный аспект. Когда мы говорим о социальных смыслах, это означает, что нас интересуют такие идентифицирующие признаки референта, которые имеют социокультурную значимость: для лица, например, это пол, возраст, социальный статус, профессия, национальность, темперамент и т. п. , для города – это принадлежность к стране, величина, административный статус и т. п. Получается, что идентификация значимого для нас индивида или объекта, явно или неявно (большей частью – неявно) подчиняется определенным социокультурным стандартам, т. е. существует социокультурная детерминация понимания.

Социокультурная детерминанта всегда присутствует в презентациях того или иного лица: «моя жена Наташа», «депутат Иванов» и т. д. Такого рода репрезентативы раскрывают социокультурный институциональный статус

фигурантов речи. Ср.: город над Бугом, первый президент Республики Беларусь, первооткрыватель космоса и т. п.

При написании какого-либо текста собственное имя не сопровождается дескрипцией, если его автор рассчитывает на соответствующий фонд знаний читателя, т. е. на его способность точно осуществить референцию к подразумеваемому субъекту. Собственное имя делает излишней всякую социальную репрезентацию в ситуации полной осведомленности участников речи, однако в типичной речевой практике необходимо его пояснение, выражаемое определенной институцией, ориентированной на социокультурные параметры субъекта.

В наибольшей мере необходимость в социокультурной идентификации субъектов проявляется в историконаучных, просветительских, политических и т. п. текстах: Основоположник русского литературного языка А.С.Пушкин. Основатель феноменологической философии Э. Гуссерль. Министр культуры РФ Александр Авдеев и т. д.

Для понимания высказывания, в котором встречается имя той или иной институциональной реалии, слушатель должен быть в состоянии раскрыть смысл, скрывающийся за ее именем. Подобная экспликация социального смысла и достигается социокультурной репрезентацией референта речи.

Итак, стратегия речевой деятельности предусматривает оперативность ее участников, так или иначе реагирующих на речь, стимулирующих ее процесс и продуктивность. В связи с разными типами текстов выделяется два уровня метаязыковой оперативности – конвенциональный и институциональный. Первый уровень связан с дескрипциями и касается экспликации физической информации о референте. На уровне институциональной реальности речь идет о репрезентации социальных смыслов фигурантов речи.

Литература

1. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М. , 1975.

2. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура / Н. Б. Мечковская. – М. , 2004.